

Борисовская Ирина Валентиновна, Зимовец Наталья Викторовна

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ "ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ" И "ПРОЦЕССЫ СВЕЧЕНИЯ"

В статье речь идёт о выделении в естественных языках наряду с бытийными предложениями предложений изменения, что стало возможным в связи с исследованиями в области логики изменения. Описываются логические основы данных предложений и обсуждается их структура с позиций современной лингвистики. Затрагиваются проблемы бытийных предложений, понятий фазовости и наблюдателя, предлагается возможная классификация предложений изменения, в основу которой положен критерий наблюдаемости. На примере двух видов предложений изменения (звук и свет) устанавливается, каким образом на основе метафоризации глагола формируется значение "изменение процесса".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 44-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'367.5

Филологические науки

В статье речь идёт о выделении в естественных языках наряду с бытийными предложениями предложений изменения, что стало возможным в связи с исследованиями в области логики изменения. Описываются логические основы данных предложений и обсуждается их структура с позиций современной лингвистики. Затрагиваются проблемы бытийных предложений, понятий фазовости и наблюдателя, предлагается возможная классификация предложений изменения, в основу которой положен критерий наблюдаемости. На примере двух видов предложений изменения (звук и свет) устанавливается, каким образом на основе метафоризации глагола формируется значение «изменение процесса».

Ключевые слова и фразы: предложения изменения; логика изменения; бытийные предложения; пропозитивное имя; метафоризация; фазовость; наблюдатель.

Борисовская Ирина Валентиновна, к. филол. н., доцент

Зимовец Наталья Викторовна, к. филол. н., доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

borisovskaya@bsu.edu.ru; september27bel@mail.ru

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ
«ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ» И «ПРОЦЕССЫ СВЕЧЕНИЯ»[©]**

В последние годы заметно более пристальное внимание учёных к проблемам логики изменения. Опираясь на исследования логиков, можно говорить о наличии в языках наряду с предложениями бытия предложений изменения. Под термином «изменение» мы предлагаем вслед за Н. И. Стещенко понимать «не только различные состояния одного и того же объекта во времени, но и движение, процесс, переход» [8, с. 3].

Разработка логики изменения идет по двум направлениям: логика направленности изменения и логика времени.

Язык логики направленности включает не только термины классической логики «существует» и «не существует», а предполагает оперировать такими понятиями, как «возникает», «исчезает», «уже есть», «еще есть», «уже нет», «еще нет» и т.п. Таким образом, логика направленности допускает четыре типа существования объектов: бытие, небытие, возникновение (становление) и исчезновение, которые исчерпывают все способы существования и являются взаимно несовместимыми. Логика направленности позволяет выразить в логически непротиворечивой форме идею о противоречивости всякого движения и изменения [5].

Второй подход к логике изменения – это логика времени финского философа и логика Г. Х. фон Вригта. Согласно его учению, состоянием объекта следует считать выделенное свойство объекта в фиксированную единицу времени. В логике времени доказывается утверждение о том, что всякое состояние либо сохраняется, либо возникает, либо исчезает [3].

В своём автореферате Н. И. Стещенко указывал, что в прикладном аспекте актуальность его работы состоит в том, что «логика направленности изменения предоставляет средства экспликации способов описаний и рассуждений об изменении не только в диалектической философской традиции (в смысле философских учений об изменении), но и в естественном языке» [8, с. 4].

Законы логики направленности дают возможность утверждать, что естественный язык должен располагать инструментарием, имеющим в своей основе данные законы. Следовательно, мы можем вести речь о предложениях изменения, поскольку в лингвистике уже давно принят термин «бытийные предложения», имеющий в своей основе посылки классической логики. Время – это необходимое условие описания изменения, поэтому в данных предложениях сообщается о событии, процессе, то есть о том, к чему приложим временной фактор, развитие во времени, следовательно, в них маловероятно употребление имён предметных. Обратим внимание на то, что логики ведут речь об объекте, а не о предмете. В «Новой философской энциклопедии» объект определяется как нечто, на что направлена активность (реальная и познавательная) субъекта. Объектом может быть физическая вещь, существующая в пространстве и времени, объективно-реальная ситуация. Это может быть собственное тело субъекта. Объектами могут быть состояния сознания субъекта и даже его Я в целом. В этом качестве могут выступать другие люди, их сознание, а также предметы культуры (включая тексты) и присущие им смыслы [7]. Временной параметр приложим, как правило, к именам событийной семантики. События имеют временную протяжённость, могут быть ориентированы на временной оси [1]. С точки зрения протяжённости, на оси времени выделяют два вида событийных имён: длящиеся события – мыслятся как развивающиеся во времени – и мгновенные – мыслятся как совершаемые мгновенно, они занимают на оси не отрезок, а точку. Мгновенные события не могут быть представлены как длящиеся. Предложения изменения несут информацию об изменении по фазам от возникновения до небытия, поэтому следует предположить, что в них должны фигурировать имена событийной семантики. О предмете можно утверждать, что он либо есть, либо отсутствует. Сообщение об изменении предмета по фазам абсурдно.

Именами событийной семантики, прежде всего, считаются отглагольные существительные, то есть пропозитивные имена. Пропозиция включает в себе некое событие, которое представляет собой явление действительности, любой факт, пусть даже мелкий и несущественный [6]. Пропозитивное имя конденсирует смысл целого предложения, называет некую ситуацию. К кругу пропозитивных имён можно отнести и неглагольные имена, событийность лексем которых может быть выявлена посредством слов-индикаторов в словарных дефинициях, через синонимические связи с отглагольными именами. Их семантика довольно разнообразна. В качестве классифицирующего признака следует выбрать «наблюдаемость» и тогда можно выделить события внешнего воздействия на наблюдателя – это процессы звучания, свечения, вкусового и тактильного ощущения, а также – внутреннего воздействия – это эмоциональные и ментальные процессы, данная классификация может быть расширена. Рассмотрим некоторые примеры из немецкого и английского языков. В издании «Kleine Enzyklopädie. Natur» приводятся звуковые процессы в нарастающей прогрессии по громкости от низкого порога раздражения до болевого: *Ticken der Taschenuhr / ticking of a pocket watch / тикание карманных часов – Leises Flüstern / quiet whisper / тихий шёпот – Blätterrauschen in leichtem Wind / leaves rustling on a breeze / шелест листьев на лёгком ветру – Übliche Wohngeräusche / usual noises in apartment / обычные шумы в жилом помещении – Ruhiger Garten/ calm garden / спокойный сад – Sehr ruhige Wohnstraße / very quiet residential street / очень спокойная жилая улица – Leise Musik in Zimmer / a gentle music in the room / тихая музыка в комнате – Geräusche in Geschäftsräumen / noise in the shop / шум в магазине – Straßenbahn / tram / трамвай – Autohupe / automobile siren / автомобильная сирена – Presslufthammer / hammer/ молот – Nietlärm / sound of riveting/ шум при клепании – Kesselschmiede / boiler/ котельная – Laufender Flugzeugpropeller in 4-5 m Entfernung / sound of airplane propeller from distance of 4-5 m / звук пропеллера самолёта с расстояния 4-5 м.*

Данная шкала показывает, что понятие «звуковой процесс» представлено не только отглагольными именами, но и существительными, называющими предметы, способные двигаться и создавать звуковые волны. Кроме того, понятие «звук» передают и субстантивированные эмотивные глаголы, например: *staunen / удивляться, mitteilen / сострадать: Ein lautes Staunen ging durch das Heer / Громкое удивление пробежало по войску.* Определение *lautes* указывает на то, что удивление выражено голосом, а не мимикой. Звуку противостоит его отсутствие – тишина. Толковый словарь так объясняет данное слово: *Stille – состояние отсутствия беспокойства, не нарушаемое шумом спокойствие, отсутствие шума, молчание* [9]. Из этого толкования также следует, что *Stille* и *Schweigen* (молчание) – синонимы: *Eine Minute dauerte dies Schweigen (diese Stille) / Минуту длилось это молчание (эта тишина)* [12, S. 30].

Тишина является предпосылкой для восприятия звука и концом звукового процесса: *Ein allgemeines Händeklatschen des Beifalls unterbrach endlich diese Stille / Всеобщие аплодисменты, наконец, прервали эту тишину* [Ibidem, S. 24]. *Eine tiefe Todesstille endigt dann plötzlich das lebhafteste Gespräch / Потом вдруг глубокая смертельная тишина положила конец оживлённой беседе* [Ibidem, S. 38].

Немецкий язык располагает синонимическим рядом слов, способных информировать о звуковых процессах различного происхождения при соответствующем контекстуальном оформлении. Этот ряд *Ton – Klang – Laut – Geräusch – Schall*. Наиболее общее понятие, представление о звуке несёт слово *Ton*, посредством которого трактуются все возможные другие специфические звуки. Слово *Schall* в первую очередь употребляется как термин для обозначения понятия «звук» в физике, а также характеризует звуковой процесс с эффектом эха, что исключает его из претендентов на «нейтральность», как впрочем, и остальные слова данного ряда, поскольку *Klang* предполагает звучание нескольких тонов, а *Geräusch* и *Laut* являются лишь контекстуальными синонимами к *Ton*. Ср. *Gleichzeitig ertönte der sirrende Ton (Laut) / Одновременно раздался звук, похожий на писк* [15, S. 76]. *Es gab ein klackendes Geräusch (Ton) / Был шум (звук) треска* [14, S. 20].

Как ясно из примеров, *Ton* в определённом контексте полностью передает информацию, характерную для *Klang*, *Laut*, *Geräusch*, но не наоборот. Очевидно, что понятие, заключённое в слове *Ton* лежит в основе других идеографических синонимов. Концепт «звук» в немецком языке воплощается в ряде пропозитивных имён, среди которых выделяются таковые, что называют специфические звуковые процессы, а именно:

1. общение людей: *Gespräch / conversation / разговор; Reden / speech / речь, Gerücht / hearing, rumor / слух, молва; Wortwechsel / dispute / спор; Besprechung / discussion / обсуждение* и т.п. Язык способен охарактеризовать общение как нейтральное, например: *Unterredung / conversation / беседа; Redestrom / flow of speech / поток речи*. Знание о присутствии негативных эмоций при общении передают слова *Wortfechtere / logomachy / словопрение; Streit / dispute / спор; Gerücht / talk / толки*. Нелицеприятное общение отражено в словах: *Zank / quarrel / ссора; Gezank / abuse / брань; Geschimpte / incessant swearing / непрерывная ругань*. Напротив, лёгкое, приятное общение передают *Plaudern, Plauderei / easy conversation / непринуждённый разговор;*

2. эмоции, имеющие звуковое выражение: положительные: *Lachen / laugh / смех; отрицательные: Weinen / cry / плач; Schluchzen / sobbing / рыдание; Seufzen / sighs / вздоху;*

3. звуковое выражение имеет физиологическое состояние человека: *Schnarchen / snore / хрюканье; Stöhnen / moaning / стонание; Krächzen / groan / кряхтение; Keuchen / panting / пыхтение;*

4. знание о звуках живой природы несут субстантивированные звукоподражающие глаголы: *Quaken / croak / кваканье; Miauen / mew / мяуканье*. Звуки, характерные для определённых животных: *Bellen, Gebell / bark / лай; Krähen / crow / карканье, пение петуха; Geheul / howl / вой; Zwitschern / twee t/ цибет; Winseln / whine / визг; Wiehern / neigh/ ржанье;*

5. звуки неживой природы: *Grollen / peals of thunder / раскаты грома; Donnern / thunder / гром; Orkangeräusche / hurricane noise / шум урагана; Brausen / sea noise, murmur of the forest / шум моря, шум леса;*

6. знание о звучании музыкальных инструментов заключено в словах: *Melodie / melody / мелодия; Musik / music / музыка; Klang / ring / звон;*

7. речь человека характеризуется существительными: *Stimme / voice / голос; Ruf, Schrei / scream / крик; Flüstern / whisper / шёпот; Zischen / spiteful whispering / злобное шушуканье;*

8. движение человека, обусловившее звуковой процесс: *Schritte / steps / шаг; Poltern / loud fuss / громкая возня; Stampfen / in figurative sense «tramp» / в переносном значении «топот»;*

9. звуки, издаваемые техникой: *Hämmern / knock: blows of hammer / стук: удары молотом; Klopfen / knock / стук; Dröhnen / buzz / зудение; Wirbeln / beat staccato knocking / выбивание дробы; Brausen, Zischen / hissing / шипение; Rammen / clogging of piles / забивание свай; Stampfen / ramming / трамбовка; Grollen / rumble / гроыхание; Brummen / crash / грохот; Schrillen / shrill, unpleasant sound / резкий, неприятный звук и т.д.*

Воспринимаемая звуковой процесс, человек идентифицирует его и сопоставляет с уже известными звуками. Часто для описания звука используются означающие, связанные с другими денотатами, то есть происходит вторичный семиозис. Этот процесс особенно нагляден при передаче знаний о звуках, издаваемых техникой, что вполне логично, поскольку раскаты грома, шипение змеи, шум моря и леса известны человечеству с древних времён, в то время как технический прогресс и его атрибуты возникли значительно позже. Например: *Das Zischen der undichten Dampfleitungen, das Rammen der Maschinen, das Brummen von Kraftwagen, die Stimmen, das Stampfen der Lokomotiven – alles klang leiser und ferner. / Шипение непрочных теплопроводов, тяжёлый стук машин, грохот грузовиков, голоса, глухой стук локомотивов – всё звучало тише и дальше [Ibidem, S. 104].* В данном примере *Zischen* и *Brummen* подверглись вторичному семиозису, поскольку для данных глаголов характерны животные в качестве субъектных актантов: *Das Zischen und Brausen aus dem ersten Kolben wie eine Fontäne emporsteigender Säure ließ nach / Шипение и бурление кислоты, выплёскивающейся как фонтан из первой колбы, уменьшились [Ibidem, S. 102].*

Субстантивированный глагол *brausen / шуметь, бурлить* информирует о звуках, которые производят море, волны, лес. Употребление в качестве субъекта «кислоты» – результат отождествления звуков.

Семантика девербативов и абстрактных существительных, обозначающих понятие «свет», довольно однообразна. Словарь регистрирует существительные *Licht / свет*, девербатив *Schein / свечение*, деадъективы *Helle / свет, Helligkeit / блеск*, производные с этими основами: *дневной свет, Sonnenschein / солнечный свет, Mondlicht / лунный свет, Mondschein / лунное сияние*. К ним примыкают субстантивированные инфинитивы *Leuchten / свечение, Brennen / горение*. Последний – благодаря контексту, так как характеризует световой поток в основном как обладающий сильным тепловым излучением. Существительное *Blitz / горение* называет явление природы, вызванное электрическим зарядом, и характеризует кратковременное световое явление. Источники света не представляются контекстом как световые процессы; з.В.: *Die Lampe flammte auf / Лампа зажглась*, так как здесь важна информация о действии предмета, а не фокусировка внимания на каком-либо признаке светового процесса, ср.: *Das Licht flammte auf / Загорелся свет*, т.е. возник, появился.

Структура предложений изменения детерминирована: информация в них фокусируется, прежде всего, в указании на «изменение по фазам». Фазой является характеристика, приписываемая некоторому действию или процессу, и относящаяся к предикату. Фазовое значение возникает в предложении (в частности, в индоевропейских языках) благодаря глаголу. Данные глаголы сочетаются обычно с процессуальными предикатами, а не статальными (т.е. не передающими активное действие). Фазовость – признак, присущий предикату, а не субъекту, поскольку «начало и конец не существуют без самого признака» [2, с. 143]. Таким образом, фазовый глагол служит для выражения некоторого временного аспекта у признака, свойства, события. Изучение глаголов в рамках предложений с пропозитивным именем в позиции подлежащего позволило выявить, что очень часто фазовое значение передают глаголы движения, подвергаясь при этом метафоризации.

Согласно Лакоффу, метафорические выражения порождает сознание, а не язык, поскольку они не во всех случаях вербальны. Их источником являются ассоциативные нити, пересекающие концептуальные области; пересечение концептуальных полей и возникновение ассоциативных связей из области – цели с перекидкой в область-источник. В результате своих исследований Лакофф приходит к новому определению слова «метафора»: метафора – это пересечение ряда понятийных областей в концептуальной сфере [10]. В этом случае наблюдается сознательный отрыв обозначающего от одного обозначаемого и перенесение его на другой концепт.

В основе метафорического переноса лежит, скорее, не объективное сходство предметов, а субъективно устанавливаемое людьми соответствие между двумя сферами. При рассмотрении метафоры в когнитивном аспекте исследователи акцентируют внимание на понятийной специфике метафоры. Использование достижений когнитивной семантики позволяет выявить регулярные метафорические модели, имеющие языковую природу, и объяснить их появление.

Рассмотрим многозначные глаголы движения, проявляющие в семантических парадигмах метафорические значения, связанные с понятием «изменения». В класс глаголов «изменённого бытия» включаются те глаголы, которые обозначают проявление качеств и характеристик, присущих наблюдаемым явлениям, глаголы движения, перемещения, помещения объекта, глаголы с локативными компонентами «*emro-, heraus-, entgegen-*», а также других пространственных схем.

Анализ глаголов, содержащих в своих значениях сему «движение», позволяет выделить следующие метафорические модели.

1. Двигаться – идти, приходиться – возникать.

Возникновение метафоры обусловлено существующей в сознании носителей языка образной моделью, в соответствии с которой ситуация «возникновение» концептуализируется как перемещение в пространстве и как

его результат – появление в другом месте: *Die Steige herauf kamen Schritte.* / Шаги направились вверх по тропе (дословно: пришли) [13, S. 142]. *Licht kam irgendwoher.* / Откуда-то появился свет (дословно: пришёл) [15, S. 54]. *Ein Raunen ging durch den Saal.* / По залу пробежал шёпот [13, S. 102].

2. Двигаться – идти навстречу – возникать.

Эта модель является подвидом предыдущей. В основе данной метафоры лежит знание о том, что всякое приближение к наблюдателю воспринимается как распознавание объекта, его идентификация, следовательно, как его возникновение: *Unten kam der Schwall und Lärm der Straße mir entgegen.* / Внизу мне навстречу хлынули поток и шум улицы (дословно: шли навстречу) [11, S. 148]. *Schritte, die ihm entgegenkommen...* / Шаги, которые направлялись к нему... [14, S. 125].

3. Двигаться – проходить мимо – исчезать.

Основой переноса является траектория, объединяющая движение вблизи с наблюдателем и удаление в пространстве, как и связанное с этим исчезновение из поля восприятия. *Schritte gingen auf dem Korridor vorbei* / Шаги прошли мимо по коридору [Ibidem, S. 440].

4. Двигаться – удаляться – исчезать.

Корень глагола, подверженного процессу метафоризации, указывает на значительное расстояние, возникающее между явлением и наблюдателем, что неизбежно вызывает ослабевание восприятия и, следовательно, исчезновение явления. Далёкий значит плохо различимый, недоступный.

Die Schritte des Funkers entfernten sich... / Шаги радиста удалились... [13, S. 90].

5. Двигаться – распространяться в пространстве – существовать.

Поскольку распространение в пространстве какого-либо явления предполагает его постоянное наблюдение, то оно наилучшим способом характеризует его бытие. Здесь заметно переосмысление параметров движения: направление в разные стороны, расширение зоны воздействия на наблюдателей как бытие процесса. *Das Gerücht von der Flucht verbreitete sich.* / Распространился слух о побеге. [11, S. 78]. *Aber das Schweigen, das sich im Zimmer ausbreitete...* / Но тишина, распространившаяся в комнате... [14, S. 290].

6. Двигаться – подниматься – возникать.

В данной модели ситуация возникновения осмысливается носителями языка как подъём вверх, так как объект попадает в фокус восприятия при его возвышении над другими объектами: *Unter den Umstehenden erhob sich ein bedrohliches Gemurmel.* / Среди присутствующих поднялся угрожающий ропот [13, S. 52]. *Langsam stieg ein Leuchten an den Wänden empor.* / Медленно поднималось по стенам свечение [15, S. 91].

7. Двигаться – скользить вверх – возникать.

Это модификация вышеупомянутой модели. Подчеркивается отличная от предыдущего действия интенсивность движения в пространстве – плавность, постепенность: *Das Licht glitt wieder sanft an den Wänden empor* / Вновь свет мягко заскользил вверх по стенам [Ibidem, S. 89].

8. Двигаться – всплывать – возникать.

Ещё одна разновидность, связанная с движением наверх. Основанием для переосмысления движения выступает появление над какой-либо поверхностью и как результат констатация возникновения: *Endlich taucht ein schwankender Schein auf der Straße auf, verschwindet, taucht auf...* / Наконец, на улице появился мерцающий свет, исчез, появился... (в первом значении «всплыл») [Ibidem, с. 102].

9. Двигаться – преодолевать препятствие – возникать.

Смысл преодоления препятствия ассоциируется с процессом возникновения, поскольку наблюдается переход через некую черту, за которой объект может быть идентифицирован. *...und gurgelnde Geräusche entragen sich seiner Kehle...* / Из его горла вырвались kloпочущие звуки [13, S. 154].

10. Двигаться – течь – возникать.

Возникновение метафорически осмысливается как движение воды – быстрое и всепроникающее. Вновь наблюдается переосмысление параметров движения: мгновенное распространение в пространстве с высокой степенью проникновения: *Helles Licht ergoss sich in den Flur* / Яркий свет разлился в коридоре [14, S. 12].

11. Двигаться – ползти – возникать.

В основе метафоры лежит признак перемещения в пространстве с возможным приближением к наблюдателю. Важной оказывается негативная оценка, связанная с движениями пресмыкающихся животных. Это проявляется в том, что глагол употребляется для фазовой характеристики неприятных явлений: *Grauschwarz kroch die Dämmerung ins Zimmer* / В комнату вползли серо-чёрные сумерки [Ibidem, S. 285].

12. Двигаться – падать – возникать.

В этой модели переосмысливается ситуация возникновения как появление сверху. Основой переноса для употребления глагола *fallen* / *падать* в отношении световых процессов является расположение источника света в верхней части пространства. *Aus einigen Fenster fiel matter Lampenschein* / Из некоторых окон падал тусклый свет ламп [Ibidem, S. 10].

13. Двигаться – опускаться – возникать.

Эта модель является подвидом предыдущей. На передний план выдвигается медленное движение вниз: *Die Dämmerung senkte sich bereits über die Stadt* / Сумерки уже опустились на город [Ibidem, S. 360].

14. Двигаться – проникать – возникать.

Метафоризация значения глагола *dringen* ведёт к созданию характеристики явления как обладающего способностью проникать через определённые препятствия на его пути и как следствие становится наблюдаемым: *Licht drang durch die geschlossenen Lider.* / Свет пробивался сквозь закрытые веки [15, S. 54].

Scharfes Licht drang durch die Mattglasscheiben der Tür. / Яркий свет пробивался через матовое стекло двери [11, S. 277]. Aus dem Schlafzimmer drang das geschäftige Poltern seiner Frau. / Из спальни доносилась хлопотливая громкая возня его жены [14, S. 175].

Предложения изменения отличаются от бытийных предложений тем, что сообщение о месте действия для них не столь актуально: может быть, а может и не быть, так как важнее сообщение об изменении. А вот наличие личностного локализатора или, другими словами, наблюдателя в данных предложениях выступает априори, поскольку должен быть некто, кто наблюдает изменение и констатирует его факт. Признак наблюдаемости может совпадать с признаком «конкретно-временной локализованности», который противопоставлен признаку временной абстрагированности действия и соответственно ненаблюдаемости [4, с. 346]. Поэтому употребление глаголов, содержащих фазовую характеристику, можно рассматривать как указание на наблюдателя.

Подведём итог: в естественных языках существуют предложения, в которых некому признаку, свойству, событию глаголом приписывается характеристика развития во времени по фазам «небытие – возникновение (становление) – бытие – исчезновение». Признак, свойство, событие в структуре предложения представлено именем событийной (пропозитивной) семантики. Именами событийной семантики, прежде всего, считаются отглагольные существительные, то есть пропозитивные имена. К кругу пропозитивных имён можно отнести и неглагольные имена, событийность лексем которых может быть выявлена посредством слов-индикаторов в словарных дефинициях, через синонимические связи с отглагольными именами. Их семантика довольно разнообразна. В качестве классифицирующего признака следует выбрать «наблюдаемость» и тогда можно выделить события внешнего воздействия – это процессы звучания, свечения, вкусового и тактильного ощущения; внутреннего воздействия – это эмоциональные и ментальные процессы, список может быть расширен. Фазовое значение возникает в предложении (в частности, в индоевропейских языках) благодаря глаголу. Фазовость в рамках предложений изменения передаётся глаголами различной семантики. Их изучение позволило выявить, что очень часто фазовое значение передают глаголы движения, подвергаясь при этом метафоризации. Анализ примеров выявил следующие метафорические модели: фаза «возникновение»: двигаться – идти, приходиться, двигаться – идти навстречу, двигаться – подниматься, двигаться – скользить вверх, двигаться – преодолевать препятствие, двигаться – течь, двигаться – ползти, двигаться – падать, двигаться – опускаться, двигаться – проникать; фаза «исчезновение»: двигаться – проходить мимо, двигаться – удаляться; фаза «существование»: двигаться – распространяться в пространстве, двигаться – плестись.

Имманентный признак данных предложений – присутствие наблюдателя.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. 198 с.
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.
3. Бригг Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. / пер. с англ.; общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. 593 с.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 420 с.
5. Ивин А. А. Логика: учеб. пособие. Изд-е 2-е. М.: Знание, 1998. 240 с.
6. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2000-2001.
8. Стешенко Н. И. Логика направленности изменения: автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 2012. 19 с.
9. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: 6 Bände. Berlin: Akademie-Verl., 1964–1977.
10. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor [Электронный ресурс]. URL: http://www.biolinguagem.com/biolinguagem_antropologia/lakoff_1992_theory_metaphor.pdf (дата обращения: 05.03.2013).
11. Remarque E. M. Drei Kameraden. М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. 455 S.
12. Schiller F. Der Geistseher // Der Verbrecher aus verlorener Ehre. Zwei Erzählungen. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1984. Heft 415/10. 108 S.
13. Spranger G. Die Bernsteinbroche. Berlin: Greifen Verl. zu Rudolstadt, 1975. 333 S.
14. Steinmann H.-J. Die größere Liebe. Berlin: Verl. Kultur und Fortschritt, 1959. 464 S.
15. Weitbrecht W. Stern der Mütter. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1983. Heft 403/10. 159 S.

SENTENCES OF CHANGES WITH MEANING “SOUND PROCESSES” AND “LIGHT PROCESSES”

Borisovskaya Irina Valentinovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Zimovets Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Belgorod State National Research University

borisovskaya@bsu.edu.ru; september27bel@mail.ru

The authors reveal the sentences of changes in natural languages along with existential sentences, which became possible due to the research in the sphere of logic of changes, describe the logical foundations of these sentences, discuss their structure from the perspective of modern linguistics, touch on the problems of existential sentences, the notions of staging and observer, suggest a possible classification of sentences of changes, basing on the criterion of observability, and by the example of two kinds of sentences of changes (sound and light) ascertain how the meaning of “process change” is formed on the basis of verb metaphorization.

Key words and phrases: sentences of changes; logic of changes; existential sentences; propositive name; metaphorization; staging; observer.